

ПРОФЕССИОНАЛЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ РОССИИ: МЕТОДИКА ВЫДЕЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ГРУППЫ

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА ТИХОНОВА,

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
e-mail: netichon@rambler.ru;*

АНАСТАСИЯ ВАДИМОВНА КАРАВАЙ,

*Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
e-mail: karavayav@yandex.ru*

Цитирование: Тихонова Н.Е., Каравай А.В. (2023). Профессионалы в институциональных условиях России: методика выделения и специфика группы // *Journal of Institutional Studies* 15(1): 100–121. DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.100-121

В условиях задачи обеспечения технологического суверенитета страны растет значимость группы профессионалов («professionals» или «специалистов высшего уровня квалификации» по определению ФСГС РФ). Соответственно растет и значимость информации о динамике численности, составе и особенностях данной группы в России. Однако, несмотря на публикуемую ФСГС РФ статистику занятости, посвященные им научные публикации, а также доступность использования массивов РМЭЗ НИУ ВШЭ, где профессионалы сразу выделены отдельно, имеющаяся о них сейчас информация явно недостаточна, противоречива, а отчасти и весьма спорна. Это связано, в том числе, с методологическими и методическими трудностями их выделения, анализу которых, а также определению путей их преодоления и характеристике обнаруживающихся при этом особенностей институциональной среды российского общества и посвящена данная статья. В ней охарактеризованы основные подходы к трактовке понятия «профессионал» в социальных науках, некоторые особенности их выделения в классификаторах ISCO-08 и ОКЗ, основные проблемы, связанные с применением этих классификаторов в России с учетом специфики ее институциональных условий, а также предложен вариант их решения, предполагающий корректировку базовой версии ISCO-08 в базах данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, использующихся большинством исследователей социально-профессиональной структуры. Продемонстрированы преимущества при изучении этой структуры в целом и профессионалов в особенности скорректированной версии ISCO-08, а также показано как изменяются при ее использовании численность, состав и характерные особенности данной группы. На данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2001–2021 гг. показана также разнонаправленность динамики численности профессионалов при применении двух сравниваемых версий ISCO-08 и сделан вывод о специфике институциональной среды в России, наиболее ярко сказывающейся на положении именно этой профессиональной группы.

Ключевые слова: профессионалы; специалисты высшего уровня квалификации; социальная структура; профессиональная структура; специалисты; ISCO-08; Общероссийский классификатор занятий

PROFESSIONALS IN THE INSTITUTIONAL CONDITIONS OF RUSSIA: METHODOLOGY OF DEFINITION AND SPECIFICS OF THE GROUP

NATALIA E. TIKHONOVA,

*HSE University,
Moscow, Russia,
e-mail: netichon@rambler.ru;*

ANASTASIA V. KARAVAY,

*Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: karavayav@yandex.ru*

Citation: Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2023). Professionals in the Institutional Conditions of Russia: Methodology of Definition and Specifics of the Group. *Journal of Institutional Studies* 15(1): 100–121 (in Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.100-121

Under the conditions of the task of ensuring the technological sovereignty of the country, the importance of the group of professionals ("professionals" or "specialists of the highest qualification level" as defined by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation) is growing. Correspondingly, the importance of the information about dynamics, composition and specific features of this group in Russia is growing as well. However, despite the employment statistics published by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, scientific publications devoted to them, and the availability of The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE), where professionals are separately identified, the information that is currently available about them is insufficient, contradictory and, in part, quite controversial. This is due in particular to methodological and methodical challenges of their definition, the analysis of which, as well as the identification of ways to overcome them and the characteristics of the institutional environment of Russian society that are seen in the course of such analysis, is the subject of this article. It describes the main approaches to interpretation of the concept of "professional" in the social sciences, some specific features of their classification in the ISCO-08 and All-Russian Classification of Occupations, the main problems associated with the application of these classifications in Russia considering the specifics of its institutional environment. A solution is proposed that involves correcting the basic version of ISCO-08 in RLMS-HSE databases, used by most researchers on the socio-professional structure. The advantages of such an adjusted version of ISCO-08 in research on socio-professional structure in general and professionals in particular are demonstrated, as well as how the share, composition and characteristic features of this group change when it is applied. The multidirectional dynamics in the share of professionals when different versions of ISCO-08 are used is demonstrated on the RLMS-HSE data from 2001–2021, and the conclusion is made about the specifics of the institutional environment in Russia which strongly affects the situation of this professional group.

Keywords: *professionals; specialists of the highest qualification level; social structure; professional structure; ISCO-08; All-Russian Classification of Occupations*

JEL: *E24; J21; P36*

Одной из наиболее значимых для будущего нашей страны профессиональных групп является сейчас группа, за рубежом традиционно называемая «профессионалы» («professionals»), а в российской традиции – «специалисты высшего уровня квалификации». С одной стороны она граничит в социально-профессиональной структуре общества с имеющими обычно тот

же уровень образования, но занятыми преимущественно выполнением управленческих функций, руководителями и предпринимателями. С другой стороны профессионалы граничат с «полупрофессионалами» («Semi-Professionals»), в российских условиях обозначаемыми обычно как «специалисты среднего уровня квалификации». Ниже них в профессиональной стратификации располагаются лица, чья занятость вообще не предполагает длительного периода предварительного обучения. Однако, при в целом высоком интересе к профессионалам со стороны отечественных исследователей и кажущейся ясности критериев отнесения к ним, среди ученых до сих пор нет единства по ряду относящихся к ним вопросов. Дискуссионным является, например, вопрос о том, является ли высшее образование обязательным критерием принадлежности к числу профессионалов или же, по крайней мере, для некоторых их групп, достаточно любого третичного образования? Или можно относить к характерным для профессионалов такие виды занятий, которые некогда предполагали высшее образование, но в настоящее время даже среднее специальное образование уже не является для них обязательным (например, позиции рядовых программистов)? Спорны и вопросы о том, на что следует ориентироваться при характеристике конкретного человека как профессионала – на его индивидуальную ситуацию (наличие высшего образования, характер трудовой деятельности) или на типичные для соответствующих рабочих мест требования к уровню образования и обеспечивающим выполнение определенных функций компетенциям? Наконец, можно ли рассматривать как профессионалов руководителей малых групп, которые заняты одновременно выполнением руководящих функций по управлению группой и исполнительским трудом по решению задач этих групп наряду с остальными их членами?

Теоретико-методологические проблемы выделения профессионалов при анализе структуры обществ современного типа

Отчасти неопределенность понятия «профессионал» обусловлена тем, что институциональная среда в разных обществах прямо влияет на ответы на поставленные выше вопросы, а отчасти тем, что представители разных наук подходят к анализу данной группы с разными целями и, соответственно, вкладывают в ее определение разное содержание. Достаточно большая литература, посвященная анализу профессионалов как за рубежом, так и в России, концентрируется в основном вокруг нескольких сюжетов. Это, во-первых, изменение состава и роли лиц высококвалифицированного труда при переходе к так называемому постиндустриальному, информационному и т.п. обществу (Белл, 1999; Гелбрейт, 1969; Кастельс, 2000; Флорида, 2005 и др.). Именно работы, относящиеся к этому направлению, сыграли основную роль в изменении отношения к профессионалам в обществе в последней трети прошлого века и получили наибольшую популярность в мире. В России такого типа работы практически отсутствуют (в качестве примера немногих исключений следует назвать (Аникин, 2013; Латов, Тихонова, 2021 и др.). В то же время сюжет о роли профессионалов в современной российской экономике является чрезвычайно популярным, причем обычно в работах этого направления «профессионалы подвергаются анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определенных социально-значимых функций» (Мансуров, Юрченко, 2009: 36). Однако в любом случае и в России, и за рубежом в основе этого подхода лежит анализ функций данной группы в обществе, хотя акцент при этом делается на разные функции и на разные временные рамки анализа (акцент на будущее в зарубежных исследованиях и на настоящее – в российских).

Вторым направлением изучения профессионалов выступают исследования, реализуемые в рамках социологии профессий и занятий. Это направление исследований в равной степени популярно и за рубежом (Macdonald, 1995; Svensson and Evetts, 2010 и др.), и в России (Социальная динамика..., 2007; Романов, Ярская-Смирнова, 2009; Abramov and Iarskaia-Smirnova, 2018 и др.). В его рамках предметом исследований выступают обычно отдельные профессиональные группы, в частности информационные работники (Черныш, 2017), юристы (Черныш и др., 2014), инженеры (Абрамов 2016а; Попова 2017) и т.д., включая характерные для них механизмы

закрытия групп, формирование типичных для них идентичностей и т.п. Своего рода центром исследований по данной проблематике выступает коллектив под руководством В.А. Мансурова, в работах членов которого был дан подробный обзор особенностей профессиональной структуры российского общества и отдельных ее элементов (Мансуров, Юрченко, 2013; Профессионалы..., 2013; Социальная динамика..., 2007 и др.). Широко представлено данное направление и в работах сотрудников НИУ ВШЭ (Романов, Ярская-Смирнова, 2009; Abramov and Iarskaia-Smirnova, 2018 и др.). История этой исследовательской традиции подробно освещена в литературе как в России, так и за рубежом (Абрамов, 2016б; Мансуров, Юрченко, 2009, 2013; Sciulli, 2009 и др.).

Третьим направлением анализа профессионалов выступает изучение соотношения образовательного уровня работников и требований их рабочих мест. Обычно этот анализ идет в контексте проблем образовательной политики, трудовых отношений, управления человеческими ресурсами и т.п. Хотя профессионалы как особая профессиональная группа и не являются его основным предметом (таковым выступает качество человеческого капитала в его взаимосвязи с определенными видами занятости), однако, учитывая значительный объем наработанного в рамках этого направления, в том числе относящегося к профессионалам, фактического материала (Российский работник..., 2011; Профессии..., 2017 и др.), упомянуть его необходимо. В рамках этого направления критерии выделения профессионалов обычно специально не рассматриваются, и они понимаются просто как группа, выделенная в соответствии с международными классификаторами занятий¹.

Наконец, четвертым масштабным направлением анализа профессионалов выступает изучение их места в стратификационной системе общества вообще и его социально-профессиональной структуре в частности. Это направление гораздо шире представлено за рубежом, чем в России. Среди наиболее интересных векторов исследовательской деятельности в данной области следует назвать, прежде всего, приписывание после появления работ Г. Беккера, Д. Минцера и Т. Шульца о человеческом капитале (Becker, 1962; Mincer, 1962; Schultz, 1961 и др.) представителям данной группы собственности на особый вид активов, пользующийся повышенным спросом в современной экономике, а также включение на этой основе знаний и навыков в состав классовообразующих признаков, типичное как для неомарксистов (Wright, 1997 и др.), так и для неовеберийцев (Goldthorpe and Hope, 1974; Erikson and Goldthorpe, 1992 и др.). Рассмотрение человеческого капитала как важного экономического актива обуславливает при таком подходе необходимость выделения при анализе социальной структуры общества групп, отличающихся наличием у них приносящих дополнительные ренты знаний (обычно при этом используют разного рода спецификации уравнения Минцера). Основной такой группой являются именно профессионалы, что и позволяет при таком подходе к анализу социальной структуры современного общества рассматривать их как ядро среднего класса.

Не менее интересным и знаковым направлением при изучении профессионалов в рамках стратификационных исследований являются работы Д. Груски и его коллег, в которых они продемонстрировали, что различия между подгруппами профессиональных классов стали в современных развитых странах более глубокими, чем межклассовые различия. Исходя из этих соображений, они предложили отказаться от анализа «больших профессиональных классов» (Grusky and Weeden, 2008; Grusky et al., 2011), включая и профессионалов, и перейти к анализу отдельных их подгрупп, различающихся в современном мире своей исторической судьбой. Особенно важны эти выводы в контексте дискуссий о судьбе среднего класса в современных обществах (его сокращении, поляризации и т.д.), что предполагает особое внимание как к критериям отнесения к данной группе, так и к проблемам гетерогенности и внутренней структуры группы профессионалов.

Еще одним перспективным вектором анализа этой группы в рамках изучения динамики социальной структуры современных обществ стали исследования, старт которым дала

¹ Имеются в виду как разного рода международные классификаторы профессиональных статусов (International Standard Classification of Occupations – ISCO; Standard Industrial Classification of All Economic Activities – ISIC; International Classification of Status in Employment – ICSE и др.), так и региональные или национальные их классификаторы (Socio-economic Classification for Europe (EsEC); Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ); National Statistics Socio-Economic Classification (NS-SEC) и др.).

работа Г. Стэндинга (Standing, 2011), посвященная прекариату как новому классу, для принадлежности к которому устойчивость занятости оказывается более значимой, чем наличие высокой квалификации или умственный характер труда. Исследования особенностей протекания процесса прекаризации на разных сегментах рынка труда, перекликаясь с идеями Д. Грусски, продемонстрировали углубляющуюся дифференциацию профессионалов и с этой точки зрения, а также необходимость наличия в современном мире плюс к знаниям каких-то иных активов для принадлежности к ним. Однако сравнительная роль различных ресурсов работника или характеристик его занятости для попадания на те или иные позиции в статусной иерархии общества в целом в ходе этих дискуссий пока так и не была консенсусно определена.

В России из этих векторов изучения профессионалов в рамках стратификационных исследований представлено в основном фокусирующееся на прекаризации части представителей данной группы на фоне общей прекаризации работающего населения нашей страны (Голенкова, Голиусова, 2015; Тощенко, 2018; Шкаратан и др., 2015 и др.). Однако в его рамках отечественными социологами изучается в основном именно прекариат в составе работающего населения в целом, а не проблема внутренней дифференциации профессионалов с учетом развития процессов прекаризации в их среде. Что же касается остальных направлений изучения профессионалов как особой группы в социальной структуре общества, в частности их дифференциации и роли в формировании российского среднего класса, то они мало распространены в отечественной науке, хотя для российских исследователей все же тоже не новы. Так, этими проблемами, в том числе и особенностями профессионалов как ядра среднего класса в России, занимались, например, О.И. Шкаратан с коллегами (Шкаратан, 2006; Любимова и др., 2008). Критерии отнесения к группе профессионалов и их место в структуре разных типов обществ рассматривал В.А. Аникин (Аникин, 2009, 2013), а гетерогенность данной группы с точки зрения качества основного актива ее представителей – их знаний, навыков и других характеристик их потенциала как работников, рассматривалась различными исследователями (Российский работник..., 2011; Тихонова, 2017, 2022 и др.). Проводились применительно к данной группе и другие исследования (в частности Р. Романовым, А. Бессудновым и т.д.).

Чаще всего статус профессионалов присваивается в исследованиях отечественных ученых, проводимых на основе эмпирических данных, в соответствии с двумя наиболее распространенными в нашей стране классификаторами – ОКЗ и ISCO. И хотя в отдельных случаях используются и другие, альтернативные классификаторы (Тихонова, Шкаратан, 1996; Шкаратан, 2006; Шкаратан, Ястребов, 2007), однако основными являются все же они. Первый из них (ОКЗ) – это Общероссийский классификатор занятий (Общероссийский классификатор..., 2022). ОКЗ использует ФСГС РФ, а также экономисты, социологи и т.п., работающие со статистическими данными. В этом классификаторе профессионалы обычно идентифицируются как «Специалисты высшего уровня квалификации». Согласно ОКЗ, «обязанности специалистов высшего уровня квалификации обычно включают: проведение анализа и научно-исследовательских работ, разработку концепций, теорий и методов; консультирование или применение существующих знаний в области физических наук, математики, техники и технологии, в области наук о жизни, медицинских услуг и услуг в области здравоохранения, общественных и гуманитарных наук; преподавание теории и практики одной или более дисциплин на различных ступенях образования; обучение и воспитание людей, испытывающих затруднения в обучении, или лиц с особыми потребностями; оказание различных деловых, юридических и социальных услуг; создание и исполнение произведений искусства; осуществление духовного наставничества; подготовку научных документов и отчетов. Обязанности могут включать руководство другими работниками» (Общероссийский классификатор..., 2022). Таким образом, предмет деятельности профессионалов, согласно ОКЗ, очень разнообразен и включает в себя даже оказание деловых и социальных услуг, подготовку отчетов и т.д. Более того – он включает и руководство людьми (что, как уже упоминалось выше, делает дискуссионным проведение границы между ними и руководителями) или передачу практических знаний и навыков в процессе обучения (в результате

в число профессионалов попадают преподаватели физкультуры, труда (технологии), разного рода кружков в школе и т.п.), что делает дискуссионным вопрос о необходимом для отнесения к ним уровне образования.

ОКЗ считается адаптированной статистической службой России к институциональным условиям нашей страны версией Международного стандарта классификации занятий ISCO (International Standard Classification of Occupations)², принятого в качестве официального классификатора занятий Международной организацией труда. В настоящее время в различных его модификациях этот классификатор используется во всем мире. Используется он в своем аутентичном виде также в заслуженно популярной среди отечественных социологов базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ³, далее РМЭЗ. Всего в ISCO выделяются 10 профессиональных классов, имеющих свои названия и нумерацию, согласно которой, как и в ОКЗ, профессионалы – это 2 профессиональный класс. При этом и в ISCO, и в ОКЗ далеко не все занятые трудовой деятельностью, предполагающей высшее образование, попадают именно в этот класс, поскольку для отнесения к нему учитывается также отрасль занятости, что автоматически ставит вопрос о полноте учета институциональной среды России в ОКЗ.

Однако между этими двумя классификаторами есть и некоторые различия, связанные с особенностями российских условий. Например, старшая медсестра попадает в условиях России согласно ОКЗ не в состав профессионалов, как в ISCO, а в число руководителей, воспитатель детского сада оказывается не профессионалом, а полупрофессионалом («Специалистом средней квалификации» согласно ОКЗ) и т.д. Это говорит о попытках учесть в ОКЗ специфику ряда российских институтов (в том числе регулирующих деятельность рынка труда, распределение компетенций в российской производственной культуре и т.д.), однако не снимает вопроса о достаточности учета в нем институциональной специфики нашей страны. Вопрос этот особенно актуален, учитывая, что ОКЗ определяет численность профессионалов более чем в четверть работающего населения (по данным ФСГС РФ, она составляла по состоянию на 3 квартал 2022 года 26,4% всех занятых в возрасте от 15 лет и старше)⁴.

Итак, сейчас вся статистика о профессиональной структуре в России строится на ОКЗ, а социологи (и многие экономисты) используют в своих исследованиях занятости ISCO-08, коды которого присутствуют в доступных для широких слоев российских ученых массивах РМЭЗ. Оба эти классификатора проверены десятилетиями, имеют колоссальную базу данных для сравнительного и динамического анализа, а также обладают целым рядом других преимуществ, которые делают их незаменимыми для решения многих исследовательских задач. Однако, именно в силу их масштабности и инертности, изменения в них могут недостаточно учитывать некоторые нюансы, связанные как с быстротой трансформации рынка труда или спецификой российской реальности, так и с многообразием исследовательских задач, предполагающих подчас необходимость выделения профессиональных групп по несколько иным критериям, чем предусмотренные этими классификаторами. К числу таких задач относятся, в частности, и анализ социальной структуры, для оценки динамики которой профессионалы как ядро среднего класса играют особую роль, и анализ самой группы профессионалов при выделении характерных для нее проблем и тенденций изменения.

² Подробнее об этом классификаторе см. (International Standard... 2012), а о его применении в РМЭЗ: (Классификаторы профессий ISCO (<https://www.hse.ru/rfms/rfms/classif/isco>)). В основе выделения профессиональных классов в ISCO лежит матрица признаков, учитывающая, с одной стороны, *набор видов деятельности*, задачи и обязанности при которых имеют высокую степень схожести, а с другой – *уровень образования*, обеспечивающий способность выполнять задачи и обязанности, предусмотренные этими видами деятельности. Классификатор ISCO существует в различных вариантах, связанных с изменением как его исходной версии под влиянием времени (первая его версия была разработана еще в 1950-х годах, а последней его базовой версией является версия, принятая Международной организацией труда в 2008 году (ISCO-08)), так и с его адаптацией для условий разных регионов мира, типов стран и даже отдельных государств.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». Сайт обследования: (<http://www.hse.ru/rfms>).

⁴ Итоги выборочного обследования рабочей силы. III квартал 2022 года. Таб. 2.41а. Структура занятого населения в возрасте 15 лет и старше по занятиям на основной работе, полу и типу поселения. Официальный сайт ФСГС РФ. (<https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> – Дата обращения: 20.02.2023).

Именно поэтому мы решили разобраться, насколько сильно отличается группа профессионалов, выделенная с помощью наиболее популярной среди социологов за счет ее использования в массивах РМЭЗ версии ISCO-08 (а частично и ОКЗ как имеющий в своей основе именно этот классификатор), от группы профессионалов, выделенной на основе социологического, а не экономико-статистического подхода к их выделению⁵. Мы имеем в виду подход, при котором в ходе выделения группы профессионалов учитывается не только специфика их знаний и компетенций или обусловленное этими их активами место на рынке труда, но также их место в социальной структуре и статусных иерархиях в общества, функции и роль в его социальном, а не только в экономическом развитии. При этом нами учитывалось, что престиж профессиональной позиции в статусной иерархии в России и место человека в социальной структуре в целом, как уже было показано в литературе (Коленникова, 2019; Тихонова, 2014; Общество неравных..., 2022), зависят от нефизического характера его труда, а также наличия у него высшего образования и ресурса влияния, включая в этот ресурс и возможность контролировать собственный труд, т.е. его автономность. Все эти характеристики, как свидетельствуют эмпирические данные, в наибольшей степени присущи именно работающим на позициях, где наличие высшего образования предполагается как диктуемое содержанием выполняемой работы требование, т.е. профессионалам.

Проблемы выделения профессионалов при проведении эмпирических исследований

Эмпирической базой нашего анализа, в соответствии с его задачами, послужили массивы данных РМЭЗ за 2001–2021 гг. Выделение профессионалов производится в этом исследовании группой участвующих в его проведении ученых на основе совокупности ответов респондентов об особенностях их трудовой деятельности и сопоставлении их с критериями классификатора ISCO-08. Учитывая, что логика этого классификатора не всегда совпадает с российскими реалиями, такая процедура приводит к определенным смещениям. Так, в репрезентативной версии 27 волны РМЭЗ⁶, например, на которой в ходе нашего исследования шла изначально отработка методики выделения профессионалов как особой группы в социальной структуре общества, 24% отнесенных в массиве к профессионалам не имели диплома о высшем образовании, а 23% имели продолжительность обучения не более 14,5 лет. Похожие результаты продемонстрировали и данные 2021 года⁷, использовавшиеся для контроля выделенных тенденций (табл. 1 и 2). Более того, в числе профессионалов оказываются в массивах РМЭЗ и представители тех профессиональных позиций, для которых (судя по тому, что 60–80% занимающих соответствующие рабочие места его не имеют) высшее образование в российских условиях вообще не требуется. Причем это не только уже упоминавшиеся выше воспитатели детских садов, старшие медсестры, прапорщики в подразделениях Вооруженных сил РФ и т.п., которые не включаются в их состав и согласно ОКЗ, но и, например, методисты в школах. В то же время в составе других профессиональных классов присутствуют рабочие места, предполагающие высшее образование как типичный его уровень. При этом часть таких позиций не попадает в число рабочих мест профессионалов согласно ISCO-08, но попадает в их состав по ОКЗ (например, судовые инженеры). Другая же их часть не попадает в состав профессионалов не только согласно ISCO, но и по ОКЗ. В их числе брокеры, дилеры, корректоры, товароведы, гиды и т.п., от 60% до 100% которых в массивах РМЭЗ из года в год имеют высшее образование, но попадают при этом, согласно этим классификаторам, в состав 3 (полупрофессионалы), 4 (служащие офисные и по обслуживанию клиентов) и 5 (работники сферы торговли и услуг) профессиональных классов.

⁵ Стоит отметить, что попытки провести перекодировку профессиональной принадлежности респондентов на базе ISCO уже предпринимались, в том числе и в России (Аникин, 2009). В своем исследовании мы учитывали результаты этой работы.

⁶ Опрос в рамках данной волны РМЭЗ проходил с октября 2018 года по январь 2019 года. Из 9 857 респондентов от 18 лет и старше, опрошенных в этой волне, 5 045 человек имели работу. Число профессионалов, согласно их исходной кодировке, составляло 872 человека.

⁷ Опрос в рамках данной (30-й) волны РМЭЗ проходил с октября 2021 года по январь 2022 года. Из 9 946 респондентов от 18 лет и старше, опрошенных в этой волне, 5 051 человек имели работу. Число профессионалов, согласно их исходной кодировке, составляло 878 человек.

Таблица 1

Характеристики образования респондентов из некоторых профессиональных классов по ISCO-08, 2018 год, %⁸

Показатели образования	2 класс	3 класс ⁹	4 класс ¹⁰	5 класс ¹¹
Диплом о высшем уровне полученного образования				
Высшее	76	45	31	17
Среднее специальное	18	35	29	28
Прочие варианты	6	20	40	55
Число лет обучения				
15 лет и более	77	51	37	22
13–14 лет	13	23	22	23
Менее 13 лет	10	26	41	55

Таблица 2

Характеристики образования респондентов из некоторых профессиональных классов по ISCO-08, 2021 год, %

Показатели образования	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс
Диплом о высшем уровне полученного образования				
Высшее	79	46	37	17
Среднее специальное	18	37	33	31
Общее среднее, начальное проф. и др.	3	17	30	52
Число лет обучения				
15 лет и более	81	52	46	22
13–14 лет	12	23	22	23
Менее 13 лет	7	25	32	55

Это связано с тем, что в ОКЗ, как и в ISCO-08, учитывается не только характер, но и отрасль занятости, и работающие в сфере торговли, услуг или служащие вооруженных сил в число профессионалов в массе своей не включаются даже при требовании со стороны рабочего места к наличию у них высшего образования. Негласно за этим стоит то, что престиж соответствующих занятий в англосаксонской культуре относительно ниже, чем у работников с высшим образованием в других отраслях, чьи рабочие места входят поэтому во 2 профессиональный класс по ISCO-08, а вслед за ним и в ОКЗ. Кроме того, это связано с особенностями траекторий постшкольного образования, необходимого для занятости в различных отраслях.

Однако в нашей стране оба эти фактора работают иначе, что прямо обусловлено институциональными особенностями российского общества. Во-первых, престиж работы брокера, гида или корректора для типичного россиянина не ниже, чем работы учителя физкультуры, который попадает и по ISCO, и по ОКЗ в состав профессионалов, как, впрочем, не отличаются в пользу учителя в России и требующаяся для такой работы квалификация или денежная отдача на соответствующие знания и навыки. А во-вторых, если говорить об образовательных траекториях и продолжительности образования, необходимого для отнесения

⁸ Фоном здесь и далее, если не оговорено иное, выделены позиции, характеризующие не менее чем 50% респондентов.

⁹ В числе наиболее массовых профессиональных позиций в российских условиях в этом классе – медсестры, техники, счетоводы и бухгалтеры, мастера на производстве и в строительстве, полицейские инспекторы и т.п.

¹⁰ В данную группу входят служащие колл-центров, клерки по погрузочно-разгрузочным работам, транспортные служащие, почтальоны, товароведы, технический персонал по обработке информации, разного рода секретари и т.д.

¹¹ В данную группу входят продавцы, кассиры, охранники, повара, парикмахеры и т.п.

к профессионалам, то в рамках ISCO-08 это единственная группа, для принадлежности к которой требуется наличие не менее чем 15 лет обучения и законченное постшкольное образование продолжительностью не менее 3–6 лет с получением диплома (International..., 2012). За этим стоит типичная для развитых стран образовательная траектория – получение полного среднего образования (обычно 12 лет) и постшкольное образование в колледже продолжительностью в 3 года, задающие в совокупности общую продолжительность обучения в 15 лет. В Общероссийском же классификаторе занятий (ОКЗ), применяемом ФСГС РФ, имеющие не только четвертичный, но и третичный уровень образования, относятся сейчас к специалистам высшего уровня квалификации независимо от общей продолжительности периода их обучения. С учетом характерных для нашей страны образовательных траекторий это означает выделение в качестве границы для возможности отнесения к профессионалам продолжительности обучения в 13 лет (11 лет в школе и 2 года в ССУЗах или 9 лет в школе и 4 года в ССУЗах), что существенно меньше, чем предусматривает для них ISCO-08¹². При этом, как видно из таблиц 1 и 2, даже согласно ISCO-08 каждый пятый, относимый к профессионалам, имеет в российских условиях продолжительность обучения менее 15 лет, а каждый 14-й – менее 13 лет. Уже одно это подтверждает необходимость более тщательного анализа критериев выделения профессионалов в российских условиях, особенно учитывая усиливающуюся во всем мире гетерогенность данной группы.

Такой анализ тем более важен, что продолжительность обучения не менее 13 лет и законченное образование как минимум третьей ступени, судя по данным РМЭЗ, имеет более половины работающего населения страны, что делает бессмысленным рассмотрение такой продолжительности обучения и типа образования в качестве критериев относительно высокого места в квалификационной иерархии и иерархии престижа, поскольку престижны, о чем уже упоминалось выше, в России сейчас только высшее образование и предполагающие его профессиональные позиции. Кроме того, поскольку бесспорные дополнительные ренты на человеческий капитал приносит в российских условиях тоже только высшее образование (Лукьянова, 2010; Каравай, 2021; Тихонова, 2017 и др.), то среднее специальное образование нельзя рассматривать и как свидетельство относительно высокого места в иерархии собственности за счет обладания человеческим капиталом высокого качества.

Таким образом, предварительные результаты анализа состава группы профессионалов, выделенных согласно ISCO-08, показали необходимость перекодировки профессиональных статусов в массиве данных для более корректного выделения этой группы в социологическом ее понимании¹³. В рамках такой перекодировки те респонденты из числа профессионалов, которые работают на рабочих местах, не предполагающих в России высшего образования, независимо от их собственного уровня образования, должны быть перенесены в другие профессиональные классы согласно характеру их деятельности. И наоборот – те закодированные изначально как полупрофессионалы рядовые офисные работники, служащие по обслуживанию клиентов или работники сферы торговли и услуг, для рабочих мест которых в России типично высшее образование и нефизический характер труда, должны быть перенесены в группу профессионалов.

Однако свою институциональную специфику в разных странах, в том числе и с точки зрения престижности или особенностей оплаты квалифицированного труда, имеет не только система образования или занятость в различных отраслях, но и распределение управленческих функций. Кроме того, для разных исследовательских задач, как уже упоминалось выше, может возникать потребность в получении разного рода информации. Так, например, для одних задач важно знать число руководителей высшего и среднего звена, что и отражено в ISCO-08¹⁴,

¹² Введение фильтра в 15 лет обучения при нынешней форме институтов образования автоматически предполагало бы обязательность для профессионалов высшего образования, поскольку такую продолжительность обучения обеспечивает только образовательная траектория, предполагающая после 11 лет в школе еще 4 года обучения, что соответствует не ССУЗам, а бакалавриату.

¹³ При этом стало ясно, что применение вместо ISCO-08 Общероссийского классификатора профессий не изменило бы эту ситуацию.

¹⁴ В ОКЗ за основу для выделения руководителей принято руководство структурными подразделениями организации независимо от их численности. Соответственно, руководитель проекта, даже если в нем работает 45 человек, в число руководителей не попадает, а не имеющий подчиненных работник на должности зав. отделом кадров оказывается в числе руководителей.

а для других (в том числе и для задач изучения социальной структуры), по крайней мере не менее важно учитывать доминирование у индивидов исполнительской деятельности в труде, поскольку реальный властный ресурс в разных его формах играет для определения места человека в статусной и доходной иерархиях в России очень большую роль (Коленникова, 2017; Тихонова, 2014). Это означает необходимость более четкого разграничения руководителей и профессионалов, поскольку все руководители низшего звена в ISCO-08, как и не являющиеся главами структурных подразделений в ОКЗ, в число руководителей по этим классификаторам не попадают.

Анализ с этой точки зрения респондентов, закодированных в массиве 27 волны РМЭЗ в качестве представителей 2 класса (профессионалы), показал, что 8% из них имели более 5 подчиненных, т.е. в их трудовой деятельности доминировало выполнение руководящих, а не исполнительских функций. Именно потому, что при наличии 6 и более подчиненных деятельность, связанная с распределением заданий, контролем за их выполнением и реализацией иных управленческих функций начинает доминировать, соответствующее число подчиненных избрано в ряде международных классификаторов, в частности используемом ESOMAR¹⁵, как критерий выделения руководителей. С другой стороны, 31% всех респондентов с высшим образованием, закодированных в массиве 27 волны РМЭЗ в качестве руководителей высшего и среднего звена, имели не более 5 подчиненных (в том числе 7% – вообще не имели подчиненных), т.е. в основном выполняли не управленческие функции. Распространенность такой ситуации просматривалась и в данных РМЭЗ за 2021 год (табл. 3). С учетом значимости для социологического анализа так называемой «власти-контроля за трудом» (Wright, 1997), а также доминирования управленческих или исполнительских функций в трудовой деятельности, это требовало перекодировки имевших более 5 подчиненных профессионалов в руководителей, а имевших не более 5 сотрудников руководителей с высшим образованием – в профессионалов.

Таблица 3

Число подчиненных у респондентов из некоторых профессиональных классов по ISCO-08, 2021 год, %

Число подчиненных	1 класс (руководители¹⁶)	2 класс (профессионалы)
Более 10 человек	47	4
6–10 человек	19	4
Не более 5 человек	23	17
Нет подчиненных	11	75

Таким образом, анализ человеческого капитала и характера деятельности групп, относимых в ISCO-08 и ОКЗ к профессионалам, выявил необходимость для целей нашего анализа их перекодировки с учетом институциональных особенностей российского общества. Такая работа была нами проведена, причем при перекодировке профессиональных статусов наряду с отсутствием «власти-контроля» и управленческих функций как основных в ходе трудовой деятельности при выделении группы профессионалов учитывались также требуемое обычно на соответствующей позиции высшее образование, нефизический характер труда и косвенно связанная со всем этим престижность соответствующей рабочей позиции. При этом мы включили в группу профессионалов всех соответствующих этим критериям, вне зависимости от отрасли их деятельности. Таким образом, это была не просто техническая перекодировка, но и довольно серьезная корректировка базовых оснований исходного

¹⁵ ESOMAR (European Society of Marketing Research Professionals) – одна из наиболее известных исследовательских ассоциаций в мире, образованная еще в 1948 году. ESOMAR объединяет компании и организации, проводящие маркетинговые исследования, исследования в области общественного мнения и социологические исследования.

¹⁶ В число руководителей в ISCO-08 включаются и предприниматели, имеющие наемных работников.

классификатора ISCO-08, используемого в РМЭЗ и служащего основой ОКЗ. Такой подход позволил более точно отграничить группу профессионалов от остальных профессиональных групп с точки зрения важных для определения их места в стратификационных иерархиях особенностей и продемонстрировал определенную институциональную специфику российского общества.

Особенности состава группы профессионалов до и после перекодировки

После проведения на основе описанных выше принципов перекодировки профессиональной принадлежности респондентов в базе РМЭЗ численность профессионалов¹⁷ в массивах данных за разные годы заметно (примерно на 20% в относительном выражении) возростала, а состав их несколько менялся. Соотношение исходных и полученных по итогам перекодировки профессиональных групп на массиве РМЭЗ 2018 года приведено в таблице 4, при этом данные таблицы 5 говорят о том, что соответствующие изменения очень устойчивы. Устойчивы и масштабы изменений в профессиональной структуре, явившиеся результатом перекодировки. Так, в 2018 году доля профессионалов до перекодировки составляла 17%, а после нее – 21%. В 2021 году эти показатели составили 18% и 21%. Для руководителей соответствующие показатели составили 6% и 9% в 2018 году и те же 6% и 9% в 2021 году, для полупрофессионалов – 21% и 17% в 2018 году при 20% и 16% в 2021 году соответственно и т.д. Аналогично выглядела ситуация и в 2019–2020 гг.

Группы профессионалов, выделенные согласно «букве» классификатора ISCO-08, с одной стороны, и с учетом специфики российских условий, с другой, пересекались между собой по состоянию на 2021 год на 68% и 82% (смотря какую из них принимать за основу). Это означает, что группа профессионалов и согласно традиционной версии ISCO-08 (или ОКЗ как его аналога для России), и согласно нашей перекодировке, состоит в России из двух подгрупп – представляющего ее ядро безусловного большинства, участники которого относятся к этому ядру какая бы методика их выделения не использовалась, и сравнительно небольшой периферии этого ядра, принадлежность представителей которой к числу профессионалов зависит от методики их выделения. Однако в любом случае реальная численность группы профессионалов с учетом как ее ядра, так и его периферии применительно к условиям сегодняшней России меньше, чем согласно данным ФГС РФ, но больше, чем согласно базовой версии ISCO-08 в РМЭЗ даже несмотря на то, что далеко не все соответствующие этой базовой версии могут рассматриваться в условиях России как профессионалы.

Сопоставление групп профессионалов до и после перекодировки продемонстрировало также наличие в нашей стране проблем с их занятостью, связанных с институциональными особенностями российского рынка труда. Так, четверть их после перекодировки оказываются работниками, которые, согласно исходной классификации ISCO-08, должны относиться к полупрофессионалам и, соответственно, иметь средний уровень квалификации. Однако в России типичный уровень требований к представителям соответствующих позиций оказывается выше, чем среднее специальное образование. Видимо, избыточность лиц с высшим образованием на рынке труда позволяет распространять требование его наличия даже на не предполагающие его в других странах позиции. В числе такого рода профессиональных статусов – агенты по трудоустройству, закупкам, недвижимости и т.п., сотрудники налоговых, социальных служб и некоторые иные группы рядовых служащих госучреждений, а также сотрудники кредитных отделов банков и ряд других категорий работников. В результате действия этой тенденции соответствующие виды занятий стали восприниматься в нашей стране (и прежде всего работодателями) как характерные для профессионалов.

¹⁷ Под которыми в этом случае подразумевались все работающие (вне зависимости от отрасли трудовой деятельности) на предполагающих наличие высшего образования позициях, однако только на таких позициях, где исполнение управленческих функций не является основной деятельностью.

Таблица 4

Соотношение профессиональных классов¹⁸ до и после перекодировки статусов респондентов, 2018 год, %¹⁹

Профессиональные классы после перекодировки	Профессиональные классы до перекодировки				
	Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы	Служащие	Работники сферы торговли и услуг
Руководители	65	9	13	5	2
Профессионалы	22	79	27	1	4
Полупрофессионалы	8	12	59	18	0
Служащие	2	0	0	72	0
Работники сферы торговли и услуг	3	0	1	4	94

Таблица 5

Соотношение профессиональных классов до и после перекодировки статусов респондентов, 2021 год, %

Профессиональные классы после перекодировки	Профессиональные классы до перекодировки				
	Руководители	Профессионалы	Полупрофессионалы	Служащие	Работники сферы торговли и услуг
Руководители	66	8	12	5	2
Профессионалы	20	82	26	1	4
Полупрофессионалы	3	10	62	14	0
Служащие	11	0	0	80	0
Работники сферы торговли и услуг	0	0	0	0	94

С другой стороны, каждый десятый рассматриваемый согласно ISCO-08 как профессионал работает на позициях, которые в российской реальности, как правило, не предполагают наличия высшего образования и, соответственно, должен относиться к полупрофессионалам. Кроме того, каждый десятый согласно исходной классификации ISCO-08 профессионал руководит довольно большими (от 6 человек и больше) коллективами. Остальные профессионалы, изменившие при нашей перекодировке свой профессиональный статус, составляют те категории работников, которые не попадают в него и согласно ОКЗ (старшие медсестры, воспитатели детских садов и т.п.), т.е. это именно те отличия ОКЗ и ISCO-08, о которых мы уже говорили выше, и в которых институциональные особенности России уже учтены.

Что же касается руководителей, то они после перекодировки изменились по своему составу больше всех остальных профессиональных классов. В соответствующем классе после перекодировки, входившие в него до этой процедуры составили уже менее половины, хотя

¹⁸ Названия профессиональных классов в целях удобства приведены в таблицах в сокращенном виде.

¹⁹ Жирным шрифтом в этой и следующей таблицах выделены позиции, отражающие совпадение на персональном уровне принадлежности к тому или иному профессиональному классу до и после перекодировки. Профессиональные классы 7 (квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом), 8 (квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы) и 9 (неквалифицированные рабочие всех отраслей) перекодировка практически не затронула и они более чем на 98% сохранили свой состав (отдельные единичные изменения касались в их составе в основном супервайзеров). Класс 6 (квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства) из-за его очень малой численности в базе данных (12 человек в 2021 году) в таблицах не приведен, однако его члены после перекодировки на три четверти оказались в числе профессионалов и на четверть – в составе руководителей. Класс 0 (военнослужащие) в таблицах не представлен по той же причине, при этом входившие в него 26 человек в 2021 году в зависимости от требуемого их должностью уровня образования и числа подчиненных оказались на 31% в числе профессионалов, также на 31% в составе полупрофессионалов и на 38% в числе руководителей. В 2018 году общая численность этих профессиональных классов была еще меньше (24 человека в 0 классе и 7 человек в 6 классе) и они распределились после перекодировки по тем же профессиональным классам и почти в той же пропорции.

две трети входивших согласно ISCO-08 в число руководителей все же остались в их составе и после перекодировки. Это связано с ростом почти в 1,5 раза численности группы руководителей после перекодировки за счет включения в их число руководителей низшего звена с числом подчиненных более 5 человек. При этом в наибольшей степени перемещения в другие классы после нашей перекодировки затронули руководителей из служб персонала и бухгалтерско-финансовых подразделений. Массовость перемещения руководителей в число не только профессионалов, но даже полупрофессионалов, офисных служащих и работников торговли и сферы услуг при перекодировке с учетом числа подчиненных и уровня управления заставляет говорить о еще большей проблематичности, при учете специфики институциональной среды России и постановке разных исследовательских задач, границ этой группы, чем в случае с профессионалами.

Изменилась после перекодировки не только численность группы профессионалов и ее «вес» в профессиональной структуре работающего населения страны в целом, но и ее внутренняя структура (табл. 6). К числу наиболее заметных из этих изменений относятся, во-первых, расширение отраслевой структуры занятости профессионалов (резко уменьшилась после перекодировки доля в их составе работников образования и здравоохранения при стабильности доли занятых в науке и культуре на фоне роста доли представителей других отраслей). Во-вторых, это увеличение с 32% до 45% занятости среди них в негосударственном секторе экономики, что связано прежде всего с разной отраслевой структурой этих секторов. В-третьих, это большая доля работающих не по полученной специальности или смежной с ней, что обусловлено, видимо, распространенностью в частном секторе экономики рабочих мест, которые не предусматривают углубленной специализации, требуя скорее широкого набора компетенций, приобретаемых при получении так называемого общего высшего (в противовес профессиональному высшему) образования, или под которые не ведется подготовка по соответствующим специальностям. Остальные различия либо укладываются в пределы статистической погрешности, либо лишь ненамного превосходят ее.

Таким образом, после перекодировки выделенная нами группа профессионалов в большей степени стала отражать реальную представленность данной группы в ее социологическом смысле в российском обществе, чем при исходной кодировке их согласно ISCO-08. При этом в ней оказались шире представлены занятые в самых разных отраслях негосударственного сектора экономики с характерными для них проблемами – от необходимости осваивать новые для себя специальности до страха потери работы. Однако остальные характеристики группы профессионалов, связанные как с их человеческим потенциалом (возраст, продолжительность и уровень образования и т.д.), так и с другими их особенностями (опыт миграции, место жительства, семейное положение, уровень среднедушевых доходов как по отношению к типичным для их регионов, так и для их типов поселений, наличие вторичной занятости, включенность в предпринимательскую деятельность и т.д.), только часть из которых представлена в таблице 6, остались прежними.

Если же говорить о том, насколько проведенная перекодировка повлияла на показатели динамики профессиональной структуры России в XXI веке, то, поскольку выделенные группы на персональном уровне пересекаются более чем на две трети, особенности этой динамики при использовании как базовой, так и перекодированной версии классификатора ISCO-08 в основном сохранились (рис. 1. и 2): в обеих версиях за 20 лет уменьшилась доля руководителей, а также квалифицированных рабочих; вырос удельный вес в структуре занятых полупрофессионалов, а также работников сферы торговли и услуг; относительно стабильной осталась доля служащих и неквалифицированных рабочих. Это говорит о бесспорности деиндустриализации занятости в стране, продолжившейся и после 1990-х годов, а также о перетоке индустриальной занятости в сложившихся институциональных условиях в занятость рутинным средне- или малоквалифицированным нефизическим трудом.

Таблица 6

Некоторые характеристики группы профессионалов до и после перекодировки профессиональных статусов респондентов, 2021 год, %²⁰

Показатели	Профессионалы до перекодировки	Профессионалы после перекодировки
Пол		
Мужской	30	28
Женский	70	72
Возраст		
До 30 лет	14	14
30–39 лет	29	31
40–49 лет	23	23
50–59 лет	22	21
60 лет и старше	12	11
Место жительства		
Москва и Санкт-Петербург	15	15
Столицы субъектов РФ	34	34
Прочие города	24	24
Сельская местность (пгт и села)	27	27
Семейное положение		
Никогда в браке не состояли	17	18
Состоят в зарегистрированном браке	58	59
Живут вместе, но не зарегистрированы	8	8
Разведены и в браке не состоят	10	9
Вдовец (вдова)	6	5
Прочие варианты	1	1
Место рождения (отдельные характеристики)		
Территория России	86	88
Город	56	53
Тот же населенный пункт, где живут сейчас	57	59
Отрасль занятости		
Образование	36	25
Здравоохранение	10	7
Наука, культура	8	7
Финансы, информационные технологии, юриспруденция, реклама, маркетинг	9	12
Органы управления	3	8
Торговля и бытовое обслуживание	6	10
Прочие	28	31
Некоторые другие характеристики занятости		
Занятость в негосударственном секторе экономики	32	45
Наличие подчиненных	25	18
Беспокоит возможность потерять работу	52	56
Количество лет обучения		
Менее 13 лет	7	8
От 13 до 15 лет	12	12
15 и более лет	81	80
Образование		
Высшее	79	78
Среднее специальное	16	15
Прочие варианты	5	7
Некоторые другие характеристики качества человеческого капитала		
Владеют иностранным языком хотя бы со словарем	41	40
Владеют им свободно	5	4
Профиль занятости и полученного образования совпадает ²¹	44	36

²⁰ Фоном выделены позиции, разница по которым составляет более 5 процентных пунктов.

²¹ Учитывалось совпадение 3 цифр соответствующего кода. Коды профессий и типов занятий в ISCO-08 состоят из 4 цифр, каждая следующая из которых означает все большую детализацию вида занятий. Так, например, трехзначный код 214 обозначает всех инженеров, за исключением связанных с электроникой и цифровыми технологиями. Соответственно, использование 3 цифр кода позволяет учесть не только прямое совпадение специальности, по которой были получены знания при профессиональной подготовке, с профилем трудовой деятельности, но и совпадение смежных специальностей и видов деятельности.

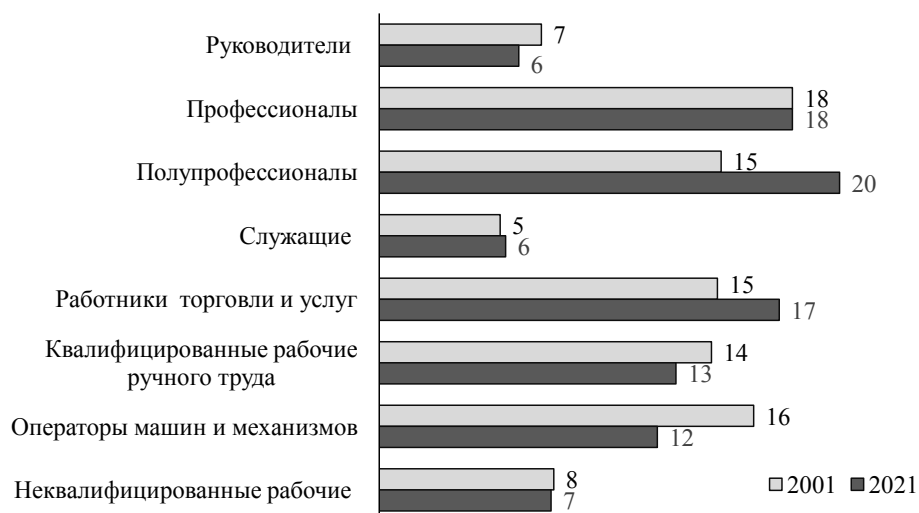

Рис. 1. Динамика профессиональной структура занятого населения России согласно ISCO-08, 2001–2021 гг., %

Рис. 2. Динамика профессиональной структура занятого населения России после перекодировки, 2001–2021 гг., %

На эти тенденции отечественными учеными уже обращалось внимание (Гимпельсон, Капелюшников, 2023; Профессии..., 2017; Российский работник..., 2011 и др.), поэтому останавливаться здесь на них мы не будем. Однако отметим, что в контексте оценки масштаба действия выявленных тенденций эволюции профессиональной структуры России очень важно, что после проведенной с учетом российских реалий перекодировки исходной версии ISCO-08 некоторые из них начинают проявляться отчетливее и резче. Так, сокращение доли руководителей среди занятых составило с 2001 по 2021 год, если судить по классификатору ISCO-08, 1 п.п. от общей численности занятых, а если судить по полученным после перекодировки профессиональным статусам данным – 3 п.п., т.е. оказалось в 3 раза больше. С учетом особенностей методики перекодировки это означает, что в наибольшей степени падение численности руководителей затронуло супервайзеров, т.е. руководителей низшего звена. С учетом сохранения и даже роста объемов экономики с 2001 года, это говорит о существенном росте нагрузки на них.

В то же время между данными о динамике профессиональной структуры в России согласно двум рассматриваемым версиям классификатора есть и принципиальное различие, и оно касается именно профессионалов. Это различие заключается в том, что базовая и перекодированная

версии ISCO-08 демонстрируют для профессионалов разнонаправленную динамику изменения удельного веса данной группы в составе занятого населения – согласно базовой версии ISCO-08 она с 2001 года чуть сократилась, а согласно его перекодированной версии – напротив, выросла. И хотя рост этот был в абсолютных показателях сравнительно небольшим, все же в относительном выражении он составил более 10%. Это связано с тем, что прирост численности профессионалов происходил в России в последние десятилетия за счет роста числа рабочих мест для них в частном секторе и изменения характера требований к претендентам на ранее не относившиеся к предполагающим высшее образование рабочие места, т.е. тех процессов, которые перекодированная версия ISCO-08 «схватывает» лучше, чем базовая его версия, поскольку в большей степени учитывает особенности институциональной среды России.

Если же говорить о роли профессионалов в формировании российского среднего класса, то на фоне ярко проявляющейся тенденции сокращения численности руководителей среди работающих представителей массовых слоев эта их функция стала еще более значимой. Однако дифференциация представителей данной группы с этой точки зрения сегодня в России очень велика, причем это относится как к их главному активу – качеству их человеческого капитала (Тихонова, 2017; 2022; Каравай, 2021 и др.), так и к уровню их доходов: если медианным для нижнего квинтиля профессионалов является индивидуальный доход по единственному или основному месту работы в 15 тыс. руб. (после вычета налогов), то для верхнего квинтиля это 80 тыс. руб., т.е. разрыв между ними по этому показателю составляет более 5 раз. В то же время глубина дифференциации зарплаты профессионалов за последние 20 лет в нашей стране значительно уменьшилась – в 2001 году разрыв медианных доходов в нижнем и верхнем квинтиле был почти 11-кратным (700 руб. против 7 600 руб.)²². Это говорит о том, что сложившиеся в российском обществе институциональные условия способствуют ярко выраженному росту уравнительности для данной профессиональной группы. Такая ситуация имеет как плюсы, так и минусы, но в любом случае свидетельствует о специфике российской ситуации на фоне так называемых развитых стран, где внутригрупповая дифференциация группы профессионалов усиливается.

Более ярко проявляются при анализе ситуации в динамике и некоторые особенности профессионалов, выделенных именно в соответствии с перекодированной версией классификатора ISCO-08. Так, например, при использовании обеих версий этого классификатора доля профессионалов, работающих на предприятиях и в учреждениях, собственником которых полностью или частично остается государство (как, впрочем, и общая занятость на них представителей других профессиональных классов) с 2001 года по 2021 год существенно сократилась. Однако за счет того, что это теперь единственная группа, большинство членов которой остается занятыми на таких предприятиях, доля профессионалов среди работающих на них выросла. Эту тенденцию фиксируют обе версии классификатора, но проявляется она согласно им в разной степени – если в базовой версии ISCO-08 доля профессионалов среди работающих на такого рода предприятиях и учреждениях увеличилась на 5 п.п., то согласно перекодированной версии ISCO-08 она выросла на 10 п.п. и достигает уже почти трети всех занятых на них.

Таким образом, как более полный охват профессионалов безотносительно к отрасли и сектору занятости перекодированным с учетом специфики российских условий классификатором ISCO-08, так и то, что с его помощью более ярко проявляются фиксируемые обеими версиями этого классификатора особенности группы профессионалов или тенденции изменения отдельных характеристик их занятости, говорит об относительно большем эвристическом потенциале для их углубленного анализа именно перекодированной версии классификатора ISCO-08, чем его базовой версии. Хорошо иллюстрирует эта версия и особенности институциональной среды России, и прежде всего – специфики развития ее рынка труда. В то же время не вызывает сомнений, что для решения многих исследовательских задач исходная версия этого классификатора и в условиях

²² Та же тенденция прослеживается и при использовании базовой версии ISCO-08, только разрыв медианы зарплаты по основному (или единственному) месту работы в этом случае составляет 4,8 раза для 2021 года и 11 раз для 2001 года. Таким образом, самую низкодоходную, наиболее проблемную и нуждающуюся в особом внимании часть профессионалов базовая версия классификатора «отлавливает» сейчас хуже, чем перекодированная версия, хотя средне- и высокодоходные группы профессионалов представлены в них одинаково.

России предпочтительнее – в их числе, например, сравнительный анализ профессиональных структур разных стран, анализ ситуации с руководителями среднего и высшего звена в нашей стране и ряд других.

Выводы

Проблема выделения группы профессионалов, как и понимания особенностей или проблем этой группы в России, далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Это связано, прежде всего, с институциональными особенностями российского общества, относящимися к функционированию в нем нормативно-ценностных систем (в частности, пониманием престижности различных производственных позиций), системы образования (избыточность подготовки лиц с высшим образованием), структуры занятости в различных отраслях и т.д. Кроме того, в силу переизбытка лиц с высшим образованием в нашей стране, постепенно меняются требования к ряду рабочих мест и они начинают предполагать у претендующих на них наличие высшего образования. С другой стороны, в силу рутинизации ряда занятий требование высшего образования на некоторых типах рабочих местах перестает быть обязательным, а их престижность падает, хотя этот процесс для России намного менее характерен, чем рост запроса на высшее образование. Иначе, чем в развитых странах, особенно так называемых англосаксонских, выглядит в России и престижность занятости в разных отраслях, а также характер трудовой деятельности на ряде рабочих мест, в частности в кадровых и финансовых подразделениях организаций. Отдельной проблемой выступает и вопрос идентификации профессионального статуса руководителей низшего звена – они могут рассматриваться либо как руководители, либо как обычные исполнители в зависимости от того, какой тип деятельности у них доминирует, что во многом связано с числом подчиненных, по отношению к которым им приходится заниматься управленческой деятельностью, а также с тем, закреплены ли за ними в рамках организации специфические функции.

В этих условиях критерии выделения профессионалов как особой социально-профессиональной группы все больше зависят от тех целей, которые ставит перед собой исследователь. При трактовке профессионалов как занятых в любых отраслях на позициях, предполагающих наличие высшего образования, но без доминирования управленческих функций, оказывается, что в современной России их численность больше, чем у группы профессионалов, выделенной в соответствии с международным классификатором ISCO-08²³. Однако ОКЗ оценивает ее численность еще выше – прежде всего за счет более лояльного отношения к критерию образования, поскольку фактически относит к позициям профессионалов и позиции, не предполагающие 15 лет обучения.

Общая численность профессионалов, выделенных с помощью перекодированной версии классификатора ISCO-08, все последние годы очень устойчива. Несмотря на пандемию и вызванные ею экономические проблемы, она составляла среди работающих представителей массовых слоев населения 21% весь период 2018–2021 гг. Это на 2 процентных пункта больше, чем было в 2001 году, когда соответствующий показатель составлял, согласно данным РМЭЗ, 19%²⁴, и на 1 п.п. больше, чем в 2009 году, когда этот показатель повысился до 20%²⁵. В этом отношении социологические данные подтверждают тенденцию роста численности группы профессионалов, фиксируемую ФСГС РФ применительно к выделенной согласно ОКЗ их группе, хотя темпы ее роста по социологическим и статистическим данным несколько различаются – согласно ОКЗ они выше, что говорит о росте данной группы, прежде всего, за счет пограничных и нехарактерных для нее рабочих мест, не требующих 15 и более лет обучения.

К числу основных отличий выделенной в рамках перекодированной версии ISCO-08 группы профессионалов, в сравнении со 2 классом в классификаторах занятий ОКЗ и базовой

²³ Увеличение численности данной группы в сравнении с относящимися ко 2 классу согласно классификатору ISCO-08 прослеживается даже несмотря на исключение из их числа руководителей низшего звена с большим числом подчиненных.

²⁴ Опрос в рамках 10 волны РМЭЗ проходил с октября 2001 года по январь 2002 года. Из 7 277 респондентов от 18 лет и старше, опрошенных в этой волне, 3 739 человек имели работу. В их числе 673 человека согласно исходной кодировке ISCO-08 были профессионалами.

²⁵ Опрос в рамках 18 волны РМЭЗ проходил с октября 2009 года по январь 2010 года. Из 7 910 респондентов от 18 лет и старше, опрошенных в этой волне, 4 381 человек имели работу. В их числе 772 человека согласно исходной кодировке ISCO-08 были профессионалами.

версии ISCO-08, относятся: 1) изменение отраслевой структуры их занятости с уменьшением доли в их составе работников образования и здравоохранения и ростом доли представителей других отраслей при стабильности занятых в науке и культуре; 2) изменение соотношения занятых в государственном и негосударственном секторах экономики: рост доли занятых в негосударственном секторе экономики и сокращение доли занятых в ее государственном секторе, хотя в любом случае наиболее типичной для профессионалов остается занятость именно в государственном секторе экономики, прежде всего – в преимущественно бюджетных отраслях (образование, здравоохранение, наука, культура); 3) рост доли работающих не по полученной или смежной с ней специальности; 4) сокращение доли имеющих подчиненных. Все остальные характеристики этих групп (пол, возраст, место жительства, место рождения, опыт миграции, доходная структура (как по индивидуальным, так и по среднедушевым доходам), семейно-брачный статус, распространенность вторичной занятости и т.д.) оказываются идентичными. Что очень важно, идентичны у этих групп и продолжительность обучения, доля имеющих высшее образование и другие характеристики их человеческого капитала.

Таким образом, группа профессионалов после проведенной перекодировки оказывается численно больше за счет того, что она полнее охватывает представителей разных отраслей и предприятий с разной формой занятости, при этом состав этих групп с точки зрения характеристик, значимых для выделения именно профессионалов в общей структуре общества, оказывается идентичен. Тем самым группа профессионалов, выделенная нами после перекодировки профессиональных статусов, с учетом большего разнообразия ее отраслевого состава, а также ее большей гомогенности с точки зрения доминирующих у ее членов характера трудовой деятельности и форм властного ресурса, лучше подходит для изучения состояния, динамики и процесса воспроизводства профессионалов, чем их группы, выделенные с помощью наиболее распространенных в нашей стране статистических классификаторов.

Если же говорить не о методической, а о содержательной стороне проведенного анализа, то полученные с помощью перекодированной версии классификатора ISCO-08 результаты говорят о том, что при более полном учете специфики требований рынка труда к профессионалам последствия для них особенностей институциональной среды российского общества оказываются выражены очень ярко и во многом противоположны тенденциям, фиксируемым по отношению к ним в других странах. Это касается и динамики внутренней дифференциации данной группы, и массового превращения рабочих мест полупрофессионалов в рабочие места профессионалов не за счет технологических изменений, а прежде всего за счет переизбытка на рынке лиц с высшим образованием, и изменения их численности за счет нехарактерных для них как особой профессиональной группы рабочих мест, и роста их доли среди работающих на предприятиях и в учреждениях, где собственником (или сособственником) является государство, и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абрамов Р.Н. (2016). Профессиональная культура российских инженерно-технических специалистов: универсальные элементы. *Социологические исследования*. 9: 97–104. [Abramov, R.N. (2016). Professional culture of Russian technical specialists: universal elements. *Sociological Studies*. 9: 96–104. (in Russian).]
- Абрамов Р.Н. (2016). *Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области*. М.: ООО «Вариант». [Abramov, R.N. (2016) *Sociology of professions and occupations: essays on the history and key concepts of the disciplinary field*. Moscow: ООО “Variant”. (in Russian).]
- Аникин В.А. (2009). Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994–2006 гг. (по материалам RLMS). *Мир России: Социология, этнология*. 18(3): 114–131. [Anikin, V.A. (2009). Trends in the social and professional structure of Russia in 1994–2006. (Based on RLMS materials). *Mir Rossii: Sociology, Ethnology*. 18(3): 114–131. (In Russian).]

- Аникин В.А. (2013). Профессиональная структура населения и тип экономического развития страны. *Terra Economicus*. 11(2): 41–68. [Anikin, V.A. (2013). Professional structure of population and a mode of the nation's economic development. *Terra Economicus*. 11(2): 41–68. (in Russian).]
- Белл Д. (1999). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Academia. [Bell, D. (1999). *The coming post-industrial society. The experience of social forecasting*. Moscow: Academia. (in Russian).]
- Гелбрейт Дж. (1969). *Новое индустриальное общество*. М.: Прогресс. [Galbraith, J. (1969). *The New Industrial Society*. Moscow: Progress. (in Russian).]
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (2023). Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? *Вопросы экономики*. 1: 59–85. [Gimpelson, V.E., Kapeliushnikov, R.I. (2023). Job structure evolution in Russia: Polarization, upgrading, stalemate. *Voprosy Ekonomiki*. 1: 59–85. (in Russian).]
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новая группа наёмных работников. *Уровень жизни населения регионов России*. 1(195): 47–57. [Golenkova, Z.T., Goliusova, Yu.V. (2015). Precariat as a new group of employees. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 1(195): 47–57. (in Russian).]
- Каравай А.В. (2021). Институциональные барьеры роста человеческого капитала высококвалифицированных специалистов. *Журнал институциональных исследований*. 13(3): 131–143. [Karavay, A.V. (2021). Institutional Barriers to The Growth of Human Capital of Highly-Skilled Professionals. *Journal of Institutional Studies*. 13(3): 131–143. (in Russian).]
- Каравай А.В. (2021). Состояние человеческого капитала российских профессионалов. *Terra Economicus*. 19(1): 124–137. [Karavay, A.V. (2021). State of human capital of the Russian professionals. *Terra Economicus*. 19(1): 124–137. (in Russian).]
- Кастельс М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ. [Castels, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: Higher School of Economics. (in Russian).]
- Коленникова, Н.Д. (2017). Особенности властного статуса занятого населения современной России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 5(141): 214–232. [Kolennikova, N.D. (2017). Characteristics of the power status of employed population in modern Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 5(141): 214–232. (in Russian).]
- Коленникова Н.Д. (2019). Статусная консистентность занятого населения в современной России. *Социологические исследования*. 11: 52–62. [Kolennikova, N.D. (2019). Status Consistency of the Employed Population in Morden Russia. *Sociological Studies*. 11: 52–62. (in Russian).]
- Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. (2021). Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала). *Terra Economicus*. 19(2):6–27. [Latov, Yu.V., Tikhonova, N.E. (2021). A new society, a new resource, a new social class? (60th anniversary of the human capital theory). *Terra Economicus*. 19(2): 6–27. (in Russian).]
- Лукьянова А.Л. (2010). Отдача от образования: что показывает мета-анализ. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 14(3): 326–348. [Lukyanova, A.L. (2010). Returns to education in Russia: Evidence from meta-analysis. *The HSE Economic Journal*. 14(3): 326–348. (In Russian).]
- Любимова Т.С., Шкаратан О.И., Инясевский С.А. (2008). Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда. *Общественные науки и современность* (1): 5–27. [Lyubimova, T.S., Shkaratan, O.I., Inyassevski, S.A. (2008). New middle class and information workers in the Russian labor market. *Social Sciences and Contemporary World*. (1): 5–27. (in Russian).]
- Мансуров В.А., Юрченко О.В. (2009). Социология профессий. История, методология и практика исследований. *Социологические исследования*. (8): 36–46. [Mansurov, V.A., Yurchenko, O.V. (2009). Sociology of professions. History, methodology and practice of research. *Sociological Studies*. (8): 36–46. (in Russian).]

- Мансуров В.А., Юрченко О.В. (2013). Социология профессиональных групп в России: история становления и перспективы. *Вестник Института социологии*. 4(2): 91–106. [Mansurov, V.A., Yurchenko O.V. (2013). Sociology of professional groups: history and prospects. *Vestnik instituta sotziologii*. 4(2): 91-106. (in Russian).]
- Общероссийский классификатор занятий (2022). ОК 010–2014 (МСКЗ-08). (<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=393365#h3434> – Дата обращения: 05.02.2023). [All-Russian classifier of occupations (2022). ОК 010–2014 (ISCO-08). (<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=393365#h3434> – Accessed date: 05.02.2023). (in Russian).]
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России* / Под общ. ред.: Н.Е. Тихонова (2022). М.: Весь мир. [*Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia* (2022). Moscow: Ves' Mir. (in Russian).]
- Попова И.П. (2017). Профессиональная карьера в сфере науки и технологий – к проблеме устойчивости. *Социологические исследования*. (12): 124–134 [Popova, I.P. (2017). Professional career in science and technology: on sustainability problem. *Sociological Studies*. (12): 124–134. (in Russian).]
- Профессии на российском рынке труда* / Отв. ред.: Н.Т. Вишневская (2017). М.: НИУ ВШЭ. [*Professions on the Russian labor market*. (2017). Moscow: HSE. (in Russian).]
- Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей. Коллективная монография* / Под ред. В.А. Мансурова (2013). М.: ИС РАН, РОС. [*Professionals in the Era of Reforms: the dynamics of ideology, status and values. Collective monograph* (2013). Moscow: IS RAS, ROS. (in Russian).]
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2009). Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив. *Социологические исследования*. (8): 25–35. [Romanov, P.V., Yarskaya-Smirnova, E.R. (2009). The world of professions: revision of analytical perspectives. *Sociological Studies*. (8): 25–35. (in Russian).]
- Российский работник: образование, профессия, квалификация* / Под общ. ред.: В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников (2011). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. [*Russian employee: education, profession, qualification* (2011). Moscow: HSE. (in Russian).]
- Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе* (2007) / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Изд-во Института социологии РАН. [*Social dynamics and transformation of professional groups in modern society* (2007). Moscow: IS RAS. (in Russian).]
- Тихонова, Н.Е. (2014). *Социальная структура России: теории и реальность*. М.: Новый хронограф. [Tikhonova, N.E. (2014). *Russia's Social Structure: The Theory and the Reality*. Moscow: Novyi khronograph Publ. (In Russian).]
- Тихонова, Н.Е. (2017). Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика. *Вестник Института социологии*. 8(2): 140–165. [Tikhonova, N. (2017). Human capital of professionals and managers: The condition and dynamic. *Vestnik Instituta Sotziologii* 8(2): 140–165. (in Russian).]
- Тихонова Н.Е. (2022). Динамика качества человеческого потенциала российских профессионалов: 2010–2021 гг. *Journal of Institutional Studies*, 14 (4). С. 18–41. [Tikhonova, N.E. (2022). The human potential quality of Russian professionals: Analyzing the data from 2010, 2021. *Journal of Institutional Studies* 14(4): 18–41. (in Russian).]
- Тихонова, Н.Е., Каравай, А.В. (2017). Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности. *Мир России: Социология, этнология*. 26(3): 6–35. [Tikhonova, N.E., Karavay, A.V. (2017). The human capital of Russian workers: The overall state and its specifics. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 26(3): 6–35. (In Russian).]
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. (2022). Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции. *Мир России: Социология, этнология* 31(1): 113–137. [Tikhonova, N.E., Slobodenyuk, E.D. (2022). Poverty of Russian professionals: prevalence, causes, trends. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 31(1): 113–137. (In Russian).]

- Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. (1996). Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда. *Мир России: Социология, этнология*. 5(1):94–153. [Tikhonova, N.E., Shkaratan, O.I. (1996). Employment in Russia: social stratification in the labor market. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 5(1): 94–153. (In Russian).]
- Тощенко Ж.Т. (2018). *Прекариат: от протокласса к новому классу*. М.: Наука. [Toshchenko, J.T. (2018). *Precariat: from proto-class to a new class*. Moscow: Nauka. (in Russian).]
- Флорида Р. (2005). *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика–XXI. [Florida, R. (2005). *Creative class: people who change the future*. Moscow: Classics–XXI. (in Russian).]
- Черныш М.Ф. (2017). Информационные работники: профиль социальной группы. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 9(14): 31–44 [Chernysh, M.F. (2017). Information workers: the social group profile. *Interaction. Interview. Interpretation*. 9(14): 31–44. (in Russian).]
- Черныш М.Ф., Епихина Ю.Б., Попова И.П., Мастикова Н.С. (2014). Социальная группа юристов: мотивация вхождения в профессию и траектория мобильности. *ИНАБ № 1 – 2014*. М.: Институт социологии РАН, 2014б. [Chernysh, M.F., Epikhina, Yu.B., Popova, I.P., Mastikova, N.S. (2014). Social group of lawyers: motivation for entering the profession and the trajectory of mobility. *INAB No. 1 – 2014*. Moscow: IS RAS. (in Russian).]
- Шкаратан О.И. (2006). Социально-экономическое положение и поведение профессионалов и менеджеров в сфере занятости. *Препринт WP1/2006/03. Серия WP1 (Институциональные проблемы российской экономики)*. М.: ГУ ВШЭ. [Shkaratan, O.I. (2006). Socio-economic situation and behavior of professionals and managers in the field of employment. *Preprint WP1/2006/03. WP1 series (Institutional Problems of the Russian Economy)*. Moscow: HSE. (in Russian).]
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013 гг.). *Социологические исследования № 12*. С. 99–110. [Shkaratan, O.I., Karacharovskiy, V.V., Gasiukova, E.N. (2015). Precariat: theory and empirical analysis (polls in Russia, 1994–2013 data). *Sociological Studies*. (12): 99–110. (in Russian).]
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2007). Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. *Препринт WP7/2007/02. Серия WP7 (Теория и практика общественного выбора)*. М.: ГУ ВШЭ. [Shkaratan, O.I., Yastrebov, G.A. (2007). Socio-professional structure and its reproduction in modern Russia: Preliminary results of a representative survey of the economically active population of Russia in 2006. *Preprint WP7/2007/02. WP7 Series (Theory and Practice of Public Choice)*. Moscow: HSE. (in Russian).]
- Abramov, R., Iarskaia-Smirnova, E.R. (2018). *Professionalism and Professionalization in Russia, in: Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance*. Cham: Springer.
- Becker, G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, Vol. 70, no. 5, part 2. Pp. 9–49.
- Erikson, R., Goldthorpe, J. (1992). *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Clarendon Press.
- Goldthorpe, J., Hope, K. (1974). *The social grading of occupations: a new approach and scale*. Oxford: Clarendon Press.
- Grusky, D., Weeden, K. (2008). Are There Social Classes? An Empirical Test of the Sociologist's Favorite Concept". In: *Social Class: How Does it Work?*, ed. D. Conley, A. Laureau. New York: Russell Sage Foundation. Pp. 65–92.
- Grusky, D., Pollak, R., Di Carlo, M. (2011). Occupations and Social Mobility: Gradational, Big Class, and Micro-class Reproduction in Comparative Perspective. In: *Persistence, Privilege, and Parenting: The Comparative Study of Intergenerational Mobility*, ed. R. Erikson, M. Jannti, and T. Smeeding. New York: Russell Sage Foundation. Pp. 139–171.
- International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 / International Labour Office. (2012) Geneva: ILO.

- Macdonald, K.M. (1995). *The sociology of professions*. London: Sage.
- Mincer, J. (1962). On-the-job training: Costs, returns, and some implications. *The journal of political economy*, 70(5): 50–79.
- Schultz, T. (1961). Investment in human capital. *The American Economic Review*, 51(1): 1–17.
- Sciulli, D. (2009). *Professions in Civil Society and the State. Invariant Foundations and Consequences*. Boston: Leiden.
- Standing, G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. London, New York: Bloomsbury Academic.
- Svensson, L.G., Evetts, J. (2010). *Sociology of Professions. Continental and Anglo-Saxon Traditions*. Gothenburg: Daidalos.
- Wright, E.O. (1997). *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.